

інституції здійснюється зустріч митця й споживача в цивільних умовах зі складенням договору про купівлю, можливістю повернути роботу на певних умовах тощо. Таким чином ринок потрапляє в цивілізаційні межі, пересая бути брутальним та диким.

Значна освітня та популяризаторська, видавнича робота недержавних музеїв / галерей сучасного мистецтва сприяє створенню «своєї» аудиторії, здатної на сприйняття, підтримку й, в решті решт, оцінювання мистецьких практик.

Така аудиторія розширюється, завдяки спрямованості недержавних мистецьких інституцій на інтерактивність в спілкуванні з аудиторією. В нашій роботі ми дослідили інтерактивність як нелінійний спосіб актуалізації мистецьких практик, який здійснюється як засобами електронних мас-медіа (зокрема телебачення та мережі Інтернет), так і «живого» спілкування в просторі галереї, музею підчас вернісажів, тематичних семінарів, мистецьких шкіл й майстер-класів, у неформальному спілкуванні «митець – галерея – публіка». Таким чином не лише структурується повсякденне життя городян, змінюється певний життєвий стандарт міста, а й об'єктивно формується передумова існування арт-ринку. А це останнє створює клімат культурно орієнтованої економіки креативного міста.

Джерела та література:

1. Арт-проекти : [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://aurum-gallery.com/index.php?option=com_content&view=category&id=35&Itemid=112.
2. Арт-центр «Aurum» : [Електронний ресурс] : офіційний сайт. – Режим доступу : <http://www.aurum-gallery.com/>.
3. Арт-Центр Александра Коробчинского : [Електронний ресурс] : офіційний сайт. – Режим доступу : <http://art-center.od.ua/>.
4. Атлас Д. Г. Старая Одесса, ее друзья и недруги / Д. Г. Атлас. – М. : Ласми, 1992. – 208 с.
5. Аукціонний Дом «Гелос» : [Електронний ресурс] : офіційний сайт. – Режим доступу : <http://www.gelos.kiev.ua/>.
6. Гройс Б. Апология рынка / Б. Гройс // Декоративное искусство СССР. – 1991. – № 2. – С. 12-23.

Полканова А.Ю.

УДК 391

КАРАИМСКАЯ КРАСАВИЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

«Красота – эта страшная сила» – говорила героиня известного старого советского фильма, и была права. Но в разные времена у разных народов под этим понятием подразумевались то розовощекая мускулистая девица, то воздушное нежное создание. Русская «Елена прекрасная» представляется не иначе как с задорным взглядом и толстой русой косой, а японка – с опущенными глазами и в кимоно.

Каково же было представление о красавице у крымских караимов?

В старину возвышенно писали: «красивая, как саранская лилия», или «совершенная красота, сияющая как плеяда звезд, светлая, как солнце, перед ее красотой блекнут созвездия медведицы» [1].

Обратимся к «словам отцов» – аталар сөзи. Пословицы не описывают красоты, а только передают отношение к ней, причём наставительно-оберегающего характера. Красоту внутреннюю предпочитают внешней [19, С. 15, 46].

Какая из красавиц самая красивая? – Та, которую любишь.

Красивую увидеть – приятно глазам. А сердцу вредно.

Красота девушки в упорном труде.

Красота – это беда, уродливость – золотая крепость.

А вот в сказках, в песнях внешность красавицы описана достаточно чётко. Гахан С. Шапшал писал, что прекрасна та, «...лицо которой сравнивается с луной и притом в 14 ночь месяца, т. е. с полнолунием (отсюда и распространенное у караимов женское имя – Айтолу, т. е. Полная луна). Брови – лук, ресницы – стрелы, щеки – персик, губы – черешня, стан – гибкий кипарис и т. д.» [24, С. 16]. Женщина должна быть яркая, глаза миндалевидные, нос не слишком большой, волосы черные, брови «как змея... дугой». Красавицу сравнивали с цветком, с розой.

Кроме Айту(о)лу ещё несколько национальных имён и прозвищ говорят об уважаемом в народе женском облике: Акбийке – белая госпожа; Апи – паинька; Ачкэй – совершенство; Балхатын – сладкая, женщина-мёд; Бюбуш – улыбка; Гулюш – смеющаяся; Гулеф – роза; Кайгана – ячница (т. е. глазастая); Мамук – мягкая, как вата; Сымыт – мука-крупчатка (белая и нежная); Чичэк – цветок; Гузель – красавица; Татлы – сладкая; Татлы-Джан – сладкодушная; Татлы Тильчек – сладкий язычок; Карчэх – снежок. В антропонимах ценится хороший незлобивый мягкий характер улыбочливой девушки с большими глазами и светлой кожей.

Глаза крымские караимы считали выразителем человеческой сущности; придавали им большой значение, с ними связан целый пласт фольклора [19, С. 15].

Коз бар – йарык йокь. Глаз есть – света нет.

Гузель кормэк козге йарыкь. Видеть красивое – свет для очей.

Инсаннын козу – айваны казангъа инсанны, мэзаргъа. Сглаз может свести скотину в кастрюлю, а человека в могилу.

Взгляд, возможности глаз, функции отражать свет и окружающее были важными характеристиками личности. Отсюда и частые упоминания «сглаза» в фольклоре, дошедшие до наших дней амулеты «от

сглаза» в виде голубых и синих бусинок, обычай посторонним лишний раз не показывать ребёнка после рождения и многое другое. С этим связаны фамилии Карагоз (чёрные глаза), Джанкоз (душевные, милые глаза), Танагоз (телячьи глаза, ластивые глаза), Каймачи (с раскосыми глазами).

При описании любимой почти всегда говорят о глазах.

Как алмазы твои очи,

Цвет волос – темнее ночи. [9, С. 12]

Нышанжи (сваха) Арзутота из «Записок караимского школьника» А. Каттыка, раскритиковав некрасивую рыжеволосую и в веснушках Стерку, красавицу описывает так: «Тонкий выточенный нос, большие черные глаза, румяные щеки... А как нарядится в татарский костюм, и поставит феску на свои пышные волосы а-а! – душа радуется» [13, С. 40].

Как несомненное украшение внешности девушки упоминается национальная одежда: «татарский костюм» и фес.

Беспорно, наряд имеет огромную роль для определения вкуса и индивидуальности. Пословицы гласят [19, С. 18]:

Если и ступу приоденешь, она покажется невестой.

Хорошая одежда хозяина красит.

Дерево украшают листья, а человека – одежда.

Караимы отличались внимательным отношением к наряду. Путешественники отмечали «аккуратный внешний вид» [25, S. 335] (здесь и далее, если не указано другое – перевод В. Ельшевича); то, что «всегда одеваются с чрезвычайной тщательностью» [7, С. 201]; восточный стиль платья; писали: «одежда караимов мало чем отличается от одежды татар» [26, S. 317].

Оценить караимский женский наряд постороннему человеку было достаточно сложно ещё в начале XIX века. На улице чаще всего караимки выходили в фередже – длинном белом одеянии, скрывавшем фигуру от макушки до пят. «...изредка промелькнет кое-где с головы до ног окутанная в белую простыню татарка или караимка...» – пишет Мурзакевич, посетивший Крым в 1836 г. [16, С. 24]. Э. Кларк упоминает «женские фигуры в белых облачениях» в 1812 [26, S. 317].

Вплоть до середины XIX в. в брачных договорах – шетарах в перечне джийиза (приданого) упоминается суконное фередже (1834, 1851) [3, л. 11; 4, л. 5]. Но даже такая, казалось бы традиционная, стандартная, скрывающая полностью женскую фигуру вещь, была подвержена влиянию моды. Если в XIX в. упоминаются только белые (суконные) фередже, то в XVII существовали и другие. Так, в шетаре 1649 г. из Мангупа «параджа (фередже) мор», т. е. фиолетовая (перевод В. Ельшевича и Э. Абибулаевой) [29, S. 196].

Но и такая одежда не мешала ценителю разглядеть прекрасное: у караимских женщин «...греческий нос с тонко вырезанными ноздрями, гордо вздернутая верхняя губа и изящное очертание рта... в то время как глубоко посаженные большие глаза так мощно усиливают эффект, что белые покрывала feredjes уже мало что могут добавить к их красоте» [8].

Самую красивую женщину в народном представлении олицетворяла невеста – в этом образе идеально сходились молодой возраст, богатое убранство, любовь и надежды на прекрасное будущее. Наиболее пышно одевались на свадьбу. Судя по описаниям и фотографиям, женский праздничный костюм был очень ярким. Он состоял из нижней рубашки (кольмэк), платья (антер), кофточка (хыркья) и верхнего кафтана [17, С. 26].

Длинное до пят платье предпочитали броской расцветки (например, в зеленую, розовую и голубую полосы, или в желтую, голубую и красную полосу; голубое с яркими розовыми и золотыми цветами и т. д.). Зачастую нижнюю кромку окантовывали тесьмой (золотой, ярко-розовой...). Материалом для праздничного платья служили парча, шелк, бархат, замша. В перечнях приданного находим: кутневый (полушелковый), шалевый, шаламаджа (из сирийского пестрого шелка) и ситцевые антери (1834 г.) [4, л. 5], платья шелковые, из материи море и севье, из зеленого ситца, перусин (льняная или полульняная ткань?) антери (1851) [3, л. 11]; бархатное, суконное, шелковое (1871); казимировое (из тонкой шерстяной ткани) и сатиновое (1893) [5, л. 2; 6, л. 5].

Демидов в 1837 году описывает караимку из Кале так: «Платье ... было щегольского покроя, шелковое, с голубыми и красными полосками, очень ловко обхватывавшее ее стройную талию, не искаженную корсетом; широкий пояс, перевязанный довольно низко, спереди был схвачен двумя круглыми серебряными бляхами прекрасной работы» [7, С. 201].

Круглые пряжки поясов у крымских караимок встречаются достаточно часто в описаниях и на изображениях. К примеру, на широко известной фотографии из книги Маркова [15, С. 38], или читаем у Р. Лайала [27, S. 267]: «Под мантиями на них были надеты широкие кожаные пояса, концы которых были соединены спереди медной круглой пряжкой в виде замка. Пояса были одеты не на талии, а почти сразу над бедрами, нарушая этим всю соразмерность женского тела». На сегодняшний день сложилось такое мнение, что именно круглые пряжки – особенность костюма караимки Крыма, однако бляха могла быть и формы бадем (миндаль), филигранной и пр. Серебряные пояса и пряжки были достаточно дорогими и передавались по наследству. Вес и стоимость их можно примерно оценить по спискам приданных разных лет у семей разного достатка [3, л. 11; 4, л. 5; 5, л. 2; 6, л. 5]: бляхи для пояса – 75¹ руб. и пояс (1834); блях золотых, т. е. кушак баш 1 пара 15 мускал (~ 62 гр.) – 60 руб. и кушак чистого серебра называемый кушак баш в 40 дрем. – 13 руб. серебром (1851); кушак баш т. е. бляхи серебряные пара 30 драхм (~ 54 гр.) – 10

1 Для сравнения примерные цены за фунт (409,5 гр.): в 1845 г. хлеб – 3 коп.; в 1913 г. гречка – 10 коп., хлеб – 4 коп., сахар – 12 коп.; 1 руб. серебром ~ 4 руб. ассигнациями.

руб. и пояс серебряный кавказский – 12 руб. (1854); серебряный кавказский поясок – 25 руб. и тоже на галунной тесьме – 10 руб. (1871).

На платье могли одеть передник (с вышивкой, ажурный, украшенный тесьмой...) и короткую (до талии) куртку (хыркья, салтамаркья) с рукавом чуть ниже локтя, без застежки. Женские куртки от мужских отличались фасоном – шились без воротника. Делались и теплыми – с мехом и подкладкой. Такие куртки из бархата зеленая и малиновая демонстрировались в «Караимской комнате» – выставке Горного клуба, организованной Исакович в Одессе [10, С. 31]. Ценились также шубки на меху из бархата и атласа (тон). В списках джииза упоминаются шубы: атласная и бархатная, подбитые белками; китайская подбита котиком; из зеленого бархата подбитая хфептовым мехом; синего сатина обшитая брозументом; золотом вышитая и блестками короткая; коротенькая шалевая; из красного канауза коротенькая; короткая атласная с брозументами подшита сибиркою (возможно, сукном); салтанмарка такие: суконная, бархатная, шалевая, бархатная вышитая золотом кефга (?).

Верхний кафтан шили из бархата и шелка зеленого, малинового, синего, кофейного цветов. В шетарах XIX в. записаны «кофтоны» тофтовой (из тафты?), канауровой (из канауза?), пекевый, фланелевый, ситцевый, но не встретился ни один «кафтан сары дэри» – кафтан желтый кожаный, модный два столетия назад (джииз 1649 г.) [29, S. 196].

На ноги надевали чулки (кьалчын) с подвязками (кьалчынбав). Обувью служили туфли или легкие, украшенные шитьем, сафьяновые сапожки. Демидов [7, С. 201] заметил на ногах женщины Кале «желтые бамбуши, общепотребительные в здешнем краю». Образец таких туфель без каблуков (папуч) сохранился в Центральном музее Тавриды [23]. А в песне «Кэлин кэльсын» [18, С. 20] поется о красных сапожках (этик) на ногах невесты. Примечательно, что в приданом девушек нам практически не встречалось обуви.

В грязную погоду одевали высокие деревянные колодки (налын), в праздничном варианте – украшенные резьбой, инкрустацией деревом и перламутром.

Костюм завершали круглая низенькая, чаще красная шапочка (фес) и покрывало (махрама, шэрбэнта, тувух), или шаль, платок (машапа). Прекрасной работы из дорогой ткани «махрама», «чембер», головной, вышитый и шалевый платки, «коленкоровый дельбент, т. е. марама», «казимировый платок», шелковая и гарусная шали были обязательны для приданого караимки вплоть до начала XX века [3-6].

Праздничную одежду украшали вышивкой, блестками, жемчугом, тесьмой, галуном. Чем больше украшений было на женщине, тем она считалась привлекательнее. На некоторых фото красавицы просто увешаны с головы до ног различными изделиями ювелиров. Интересны не употребляемые ныне несколько рядов цепочек или бус, крепившихся на плечах курточки с двух сторон; головные цепочки «кашь базцы», серьги «бадем-сырга» и «бутаклы-сырга». В списке приданного находим: золотой перстень – 20 руб., золотая цепочка головная кашь базцы в 8 мускаль (~ 30 гр.) – 86 руб., серьги с 5 висячими привесками – 24 руб., серебряный браслет 25 драхм (~ 45 гр.) – 25 руб., серьги жемчужные – 40 руб. [4, л. 5]; перстень золотой с алмазными камушками – 300 руб., круглые серьги золотые именуемые бужам – 20 руб., перстень золотой с изумрудными камешками – 25 руб., золотой перстень с камушком сальян(м) – 5 руб. [3, л. 11]; золотой перстень с алмазными камнями – 15 руб. серебром, браслеты плетеные серебряные пара – 20 руб., серьги золотые пара боты-кевы – 15 руб. [5, л. 2]; золотой медальон с цепкой, золотая брошь, алмазное кольцо, брошь золотая с фигурами луны и звезд и алмазом – 200 руб., пара алмазных серег – 100 руб., пара серег с алмазом и жемчугами – 80 руб., 1 брошь, 1 браслет, пара серег, пара запонок с гранатами – 40 руб., 2 золотых медальона с цепками – 50 руб., золотой браслет – 40 руб., пара серебряных кавказских браслетов – 10 руб., золотая брошь и пара серег – 15 руб., 2 алмазных кольца – 80 руб., золотое кольцо – 5 руб. [6, л. 5].

Спереди на платье одевали ожерелье из монет (гэрданлык), или ажурную жемчужную (иногда бисерную) сетку (инджили кафас), нижний край которой украшался монетами. С. Бейм отмечал, что могло быть «два, три, иногда до десяти рядов золотых монет...» [20, С. 74] (в некоторых источниках утверждается, что жемчужная сетка – наряд невесты [12, С. 202; 22, С. 31]). Монетами украшали и шапочки. «...их головы были покрыты низкими красными шапочками, а длинные косы лежали на их спинах. Дукаты, цехины и многие другие золотые монеты составляли украшения их шей» – подметил Р. Лайал [27, S. 267]. «Классическими» караимскими считались шапочки совсем низенькие, в несколько сантиметров высотой с прямыми, или чуть выгнутыми боками. Но носили и высокие, и конической формы, с кисточками (пюскюль), серебряными наверхушками, вышивкой маклама, пулом и др. украшениями. Фесы, очень дорогие и искусно выполненные, были обязательным атрибутом джииза. С. Бейм писал о них, как о «фесах, унизанных жемчугом с дорогим кружевом, обвешанным мелкими турецкими золотыми рупиями» [20, С. 74]. Очевидцы прошлого века отмечали «на небольшой красной шапочке голубую бахрому и вышитое золотом доньшко, иногда усаженное камнями или золотыми монетами» [17, С. 23]. Вышивка и бахрома могли быть и коричневого, темно-синего, фиолетового, черного цветов.

Стоимость таких украшений была довольно значительной [3, л. 11; 4, л. 5; 5, л. 2]: «жемчужный нагрудник 5,5 мускаль 60 рублями золотыми» (~ 26 гр.) – 150 руб.; «нашейник в 36 червонцев фундик рубия с 2 золотыми австрия...» – 53 руб.; «фес с золотыми рублями вышитый 26 штук» – 15 руб. серебром; «феска с жемчужным кружком вес жемчуга 14 золотников и кругом рубия 77» (~ 60 гр.) – 200 руб. Наряду с «праздничными фесами» – своеобразным вложением капитала, фигурируют по несколько других, более скромных: «фес, золотом вышитый», «феска с шелковым кружком»... В шетаре 1893 г. [6, л. 5-6] фес уже отсутствовал. Пожилые замужние женщины фес не надевали – повязывали определенным образом платок (джамбер).

Несколько красных фесов из семей Кальфа, Шапшала и Эринчек сохранилось в коллекции Шапшала в Литовском национальном музее (Вильнюс): конусный высотой 10 см с серебряными кисточками;

традиционные 5,5 см высотой, верх расшит жемчугом и серебром, вокруг черная шелковая бахрома; высотой 7 см с монетами по бокам и орнаментальным навершием из желтого металла (~128 шт.) [30, С. 85-86].

Девичью прическу составляли «тонкия и длинныя коски, числом иногда до ста и даже более» [20, С. 74]. Писали, что «Караимки заплетают пышные свои волосы по крайней мере в 30 мелких кос, которые и рассыпаются по плечам» [17, С. 23].

Прическа замужней женщины была иной – на висках выкладывались особые локоны – зилиф, толщиной в 3 пальца, плоские, закручивающиеся к бровям. «Караимки тщательно лелеют их, потому что они придают выражению их лица большую красоту, особенно при красной феске, которая суживает лоб сверху, а локоны по сторонам, отчего глаза много выигрывают в выразительности. Вдова и девица локонов не имеет» [20, С. 76].

В первой половине века модно было красить хной ногти (иногда ладошки) и волосы. Это было обязательным после купания для невесты. В свадебной песне «Аглама келин» [18, С. 11] пелось: «она желтой хной окрасила руку... розовая невеста». Брови подкрашивали сурьмой.

С середины XIX в. происходят изменения во вкусах, привычках, отход от традиционного уклада жизни. Это находит отражение в брачных договорах. В перечне приданного 1871 г. (Одесса) [5, л. 2], наряду с традиционными предметами, уже встречаем: 2 корсета, 2 шляпы, 2 чепчика, 2 пары перчаток...; а в 1893 (Евпатория) [6]: 8 пар чулок фильдеперсовых, 1 летнее пальто, 1 шелковая ротонда, 2 шляпы и т. д.

Постепенно вкусы меняются, внешность становится унифицированнее, беднее красками, строже, сдержаннее.

Несмотря на довольно быструю адаптацию к новым условиям жизни в Российской империи, караимы в Крыму достаточно долго, вплоть до начала XX века предпочитали сформированный веками образ женщины. Представительницы слабого пола нередко одевались в национальный костюм на семейные торжества и для фотографирования. Отдельные детали национального убранства были популярными и в сочетании с европейским платьем: курточки, пояса, фесы, головные покрывала, платки, шали.

Кондараки замечал, что караимки «до настоящего времени предпочитают всем другим нарядам татарский фес и червонцы на шее» [11, С. 80].

Даже за пределами Крыма на благотворительные вечера, национальные и семейные встречи многие дамы приходили в традиционном наряде, считая его самым привлекательным (хотя он был в диковинку для местного окружения). Так, журнал «Караимская жизнь» пишет о Киеве в 1911 г.: «Танцевали хайтарму в национальных костюмах» [2, С. 133]. Тоже наблюдалось в Одессе и в других городах огромной империи. Девушки в традиционном убранстве с множеством мелких косичек встречаются даже в 1910-20-х годах на фотографиях, но скорее, как исключение.

Вкусы крымских караимов и представителей других народов зачастую совпадали. Например, первой красавицей Евпатории в 1910-е гг. считалась Лиза Авах, о чем упоминает И. Сельвинский в романе «О, юность моя!» [21].

Поэт Л. Аренс [14] о своей будущей жене С. Савускан пишет:

На камне, в чадровом платочке,
В татарских серьгах золотых,
С большими карими глазами,
Как у газели,
Стояла обрученница моя.

Автор обратил внимание на ещё традиционные в то время (начало XX в.) для караимок «чадровый платочек» и татарские золотые серьги.

Некоторые элементы народного наряда сохранялись в Крыму вплоть до депортации крымских татар. С этого времени носить какую-либо этническую деталь было не безопасно. Известен, например, случай, когда Сем. Мих. Шапшала вызвали в Симферополе в «органы» и в жесткой форме попросили более не одевать низенькую круглую барашковую шапку (в простонародье – «караимку»).

Однако пожилые женщины еще долго сохраняли в сундуках «бабушкино» наследство». Вот какой случай описывала Габай (Ефетова) Лидия Александровна (1921, Симферополь – 1998, Симферополь). В 1950-х годах она сопровождала гахана С. М. Шапшала (главу народа) в Евпаторию. Они постучали в дверь знакомой караимки. Та открыла, увидела Лидию Александровну с гаханом, сказала «Ой!» и тут же закрыла дверь. Они не поняли в чем дело, стояли перед домом и думали, куда идти дальше. Но буквально через минут десять дверь открылась и на порог вышла хозяйка дома в национальном костюме и украшениях. После этого она поздоровалась и с радостью впустила гостей.

Многое из сказанного выше о физическом облике, одежде и украшениях крымских караимок приложимо к крымским татаркам и крымчачкам. И это понятно, ведь всех связывают общие далекие предки, территория, история, долгое совместное проживание. Гости Крыма обычно не могли различить по национальности коренных крымчанок только по внешнему виду. А местные жители безошибочно определяли часто лишь по некоторым деталям костюма. Сейчас эти особенности во многом забыты. Интересно было бы их восстановить, для чего нужен сравнительный анализ. В отношении крымских караимок пока можно указать на специфичный фес, пряжки пояса, жемчужную сетку инджили кафас. Но сопоставительного материала пока не достаточно.

Значительная часть приведенного материала получена при изучении брачных договоров в отношении одежды и украшений, а также их стоимости. Интересно было бы сравнить между собой брачные договора

коренных народов Крыма. В перспективе – сравнение одежды и украшений крымчанок и женщин других тюркских народов, далеких от Крыма территориально, но близких по языку, этноантропонимам и другим особенностям национальной культуры. Кстати отметим, что у крымчан, киргизов и туркмен-ахалтекинцев [28] есть общие мотивы орнаментального шитья.

Источники и литература:

1. Архив Полканова Ю. А., Симферополь. – Перевод с комментариями Гумуша М. Д. Сефер Авнэ-Зиккарон. Сборника надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных учёным караимом Авраамом Фирковичем. – 43 л.
2. Второй бал // Караимская жизнь. – 1911. – Кн. 7. – С. 133.
3. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 90. – 14 л. 9-13.
4. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 182. – 15 л. 5-14.
5. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 297. – 5 л. 2-3.
6. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 780. – 11 л. 4-5.
7. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году / А. Н. Демидов // Крымские путешествия: Н. Н. Музракевич, А. Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя). – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – С. 85-256.
8. Деннис Н. Сэр Лоуренс Олифант – путешественник, наблюдатель, утопист, христианский сионист : [Электронный ресурс] / Н. Деннис. – Режим доступа : <http://berkovich-zametki.com/Nomer13/Dennis1.htm>
9. Иракдан сены... // Караимская жизнь. – 1912. – Кн. 10-11. – С. 11-12.
10. К этнографии караимства // Караимская жизнь. – 1912. – Кн. 10-11. – С. 29-33.
11. Караимы. Выдержки из книги Кондараки “Универс. описание Крыма” 1875 г. // Караимская жизнь. – 1912. – Кн. 8-9. – С. 75-81.
12. Караимско-русско-польский словарь : 17400 слов / сост.: Н. А. Баскаков, А. Дубинский, А. Зайончковский, В. Зайончковский, Р. М. Ижбулатова, Х. Ф. Исакова, К. Мусаев, С. М. Шапшал. – М. : Русский язык, 1974. – 688 с.
13. Катык А. Записки кар школьника / А. Катык // Караимская жизнь. – 1911. – Кн 5-6. – С. 34-45.
14. Лев Евгеньевич Аренс (1890-1967) – биолог, литератор : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NGU_Arens.htm
15. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – К., Стило, 2009. – 512 с.
16. Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 году / Н. Н. Мурзакевич // Крымские путешествия: Н. Н. Музракевич, А. Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя). – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – С. 23-70.
17. Полканов Ю. А. Национальный костюм крымских караимов / Ю. А. Полканов // Известия Крымского Республиканского краеведческого музея. – 1994. – № 7. – С. 22-31.
18. Полканов Ю. А. Обряды и обычаи крымских караимов – тюрков: женитьба, рождение ребенка, похороны / Ю. А. Полканов. – Бахчисарай, 1994. – 52 с.
19. Полканов Ю. А. Къырымкъарайларынь аталар-созы = Пословицы и поговорки крымских караимов / Ю. А. Полканов. – Бахчисарай, 1995. – 78 с.
20. Свадьба у караимов сто лет тому назад. (Из книги С. Бейма «Память о Чуфут-Кале» 1862 г.) // Караимская жизнь. – 1911. – Кн. 7. – С. 72-81.
21. Сельвинский И. О юность моя / И. Сельвинский // Собр. сочинений : т. 6 / И. Сельвинский. – М. : Худ. Лит., 1974. – 512 с.
22. Русско-караимский словарь. Крымский диалект / сост. Б. З. Леви. – Одесса, 1996. – 118 с.
23. Центральный музей Тавриды. – КП 14034 Этн 32.
24. Шапшал С. М. Караимы СССР в отношении этническом / С. М. Шапшал // Караимы СССР в отношении этническом. Караимы на службе у крымских ханов. – Симферополь, 2004. – С. 6-34.
25. Henderson E. Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea, and the passage of the Caucasus / E. Henderson. – London. – 538 s.
26. Klark E. Travels in various countries of Europe, Asia, and Africa, by Edward Daniel Clarke, L. L. D. / E. Klark. – N. Y., 1837. – Part the first : Russia, Tartary, and Turkey. – 455 s.
27. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia in two volumes : Vol. 1 / R. Lyall. – London, 1825. – 527 s.
28. Morelowski M. Tkaniny ludowe Karaimskie a sprawa pochodzenia Karaimow krymskich I polskich / M. Morelowski // Mysl Karaimska. – 1934. – № 1. – S. 37-87.
29. Vasytinskaya D. Mangup-Qal'eh Jewish community documents in the First Firkowicz Collection / D. Vasytinskaya // Studia antropologica : сб. статей в честь проф. М. А. Членова. – М.; Иерусалим : Мосты культуры, 2010. – S. 193-219.
30. Seraya Szapszal's karaim collection. – Vilnius, 2001. – 168 s.